

The background of the book cover is a photograph of a coastal scene. In the foreground, there is a dark, calm sea. In the middle ground, a rugged, dark rock formation juts out into the water. In the background, a steep, rocky cliff rises from the shore. The sky is a deep, dark blue, and a single, large, fluffy white cloud is positioned in the upper center of the frame. The overall mood is serene and atmospheric.

Леонид ШУР

Рассказы

Облако
над
Коктебелем

18+

Леонид ШУР

Облако над Коктебелем

<https://litres.ru/73929253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь историй, где реальность трещит по швам, а чудо стучится в дверь без спроса.

Гражданская война и магическое облако, деревенская тишина и кольцо-испытание, советская ложь и детский врач, сказочные богатыри и путь к себе, андроид-редактор и любовь, зоопарк из прозвищ в одной квартире, случайная встреча в электричке, меняющая всё.

Те, кто говорят, что в нашем прошлом было только плохое или только хорошее, врут, потому что потеряли либо совесть, либо память.

Здесь магический реализм переплетается с бытовой жестокостью. Сказка — с хроникой. Это истории о том, как любят, предают, выживают и находят себя в России — вчера, сегодня и вне времени.

В сборник вошли тексты — лауреаты международных конкурсов.

Все совпадения случайны. Почти.

1. Облако над Коктебелем
2. Кольцо

3. Дважды два
4. Четыре стороны
5. Сюся
6. Заяпарк
7. Шар

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Облако над Коктебелем

Глава

Первый рассказ ОБЛАКО НАД КОКТЕБЕЛЕМ

Анфиса проснулась от того, что девочка тронула её за плечо.

Печь догорела. В избе пахло кислой капустой и холодным пеплом. Анфиса поправила красную рубаху, встала и сунула пальцы в золу — тёплая ещё, серая, сыпучая.

— Дяденька умер, — шепнула Света, стоя босиком на дощатом полу — пальцы ног жёлтые.

Анфиса села. Потёрла лицо. Волосы лезли в глаза.

Красноармеец на лавке — лицо синее, под глазами провалы. Рот открыт — по губе уже ползла муравьиная цепочка.

Накрыла тряпкой. От шинели пахло прелой соломой и остывшим потом.

— Чего хотел?

— Облако. Сказал: позови — придёт. Он дезертир, бежал из Симферополя к Врангелю.

Анфиса хмыкнула. Пошла к печке, пошевелила угли. Искры взлетели, рассыпались.

В дверь постучали — кулаком, коротко, нетерпеливо. Анфиса открыла и посмотрела на пустое небо. В Крыму заканчивалась прохладная осень 1920 года.

На пороге стояла женщина. Пальто белое, тонкое сукно, но грязное — подол в глине, рукава засалены, у ворота эмалевая кокарда. Лицо изящное, скулы острые. Глаза красные, веки как мокрые лепестки. Волосы светлые, когда-то уложенные в корзиночку, теперь растрепаны, лезут из-под шляпки. Шляпка со сломанным пером.

Анжела смотрела поверх Анфисы — в избу. Увидела красноармейца, перекрестилась.

— Зачем пришла?

— Помоги уехать. Моего мужа твои расстреляли. Мне в красной России ловить нечего.

Голос высокий, командирский. Но срывался — на последних словах сел, стал тихим.

— А твой муж где?

— С медсестрой укатил. На юг.

Анжела вошла. Сбросила перчатку — тонкую, кожаную, лопнувшую на пальцах. Пальцы длинные, белые, дрожат.

Анфиса подвинула лавку.

Анжела села. Прямо, с прямой спиной — привычка. Положила руки на колени. Белые руки тонкие, кожа прозрачная.

Анфиса достала чугунок из печи. Поставила на стол. Достала три миски — глиняные, сколотые, края отбиты.

— Будешь?

Анжела покачала головой. Сглотнула.

Анфиса налила юшку в три миски.

Ели молча. Света низко наклонялась над миской, торопилась, хлебала с хлюпом. Лицо бледное, веснушчатое, губы тонкие, глаза янтарные — внимательные, как у старухи, пережившей всех.

— Ты кто? — спросила Анжела.

— Сирота. Мать от тифа умерла. Отец к красным ушёл — не нашёл.

— А шрамы на шее?

— После тифа. Я болела — выжила, волосы выпали. Мама отдала мне последний кусок хлеба и откинулась.

— Тебе сколько лет, маленькая? Шесть?

— Восемь.

Света доела. Отодвинула миску.

Анжела отставила свою миску — нетронутую.

— Мне уплыть надо. Врангель увозит.

— Я мужа хочу найти, — сказала Анфиса. — С медсестрой уехал.

— Мой верный был. Не трусил — под пули лез. За это расстреляли.

Анфиса глянула на неё.

— Герой.

В окно ветер кидал сухую листву. За окном темнело небо, похожее на коктебельскую гальку под дождём.

Света подняла голову.

— А я папу должна найти. Он в Севастополе, слышала.

Давайте облако звать — придёт.

— Чепуха, — сказала Анжела.

Но вышла на крыльцо следом за Анфисой.

Облако ползло из ущелья. Не плыло по небу — тащилось над землёй, задевая верхушки деревьев, ломая сухие ветки. Пахло сиренью и мокрой пылью. Основание его было мягкое, бархатистое — не туман, не дым. Внутри тлел тёплый розовый свет.

Света выбежала в валенках и жёлтой рубаше, на плече дыра, видно веснушчатую кожу. Протянула руку. Пальцы утонули — медленно, как в тесто. Подпрыгнула — и оказалась наверху. Постояла, покачалась.

— Тёплое, — сказала.

— Вылезай оттуда, — сказала Анфиса.

— Идите сюда.

Анжела шагнула. Облако прогнулось — но приняло.

Анфиса стояла у крыльца, вцепившись в косяк. Пальцы побелели, ногти короткие, обкусанные.

— Не лезу.

— Ну и стой тут на своём, красная, — сказала Анжела.

— Я не красная. Я рыжая.

Тряхнула волосами, что в сумеречном свете горели, как медь.

Анфиса шагнула. Облако протяжно вздохнуло. Но удержало.

И тут Анфиса поняла: облако не дарит. Оно подвозит. А

плату возьмёт потом — или не возьмёт, но про это лучше не думать. Света похлопала по облаку, оно поднялось над землёй и полетело к морю.

Ветер свистел в ушах — мокрый, ледяной. Внизу уходила земля. Дороги — серые ленточки, размытые. Дома — как спички, брошенные. Поля пустые, чёрные. Где-то стреляли — глухо, далеко. Света встала на цыпочки, перегнулась через край. Смотрела вниз, где чернели пашни и точки хуторов.

Анжела смотрела вниз — туда, где мужа расстреляли у Чонгара. Нашла бы — не узнала. Сверху всё одинаково: река, дорога, пятна деревень.

Света тронула голову — сначала появился пух, потом волосы зашевелились и выросли прядями.

— Лечит, — сказала удивлённо.

— Чепуха какая, — сказала Анжела, но покачала головой.

Анфиса взяла девочку за подбородок, повернула к свету.

Света улыбнулась. Зубы белые, один передний сколот — отбила, когда с печки упала в прошлом году.

Над Ялтой облако замедлилось и опустилось.

Внизу, на каменном парапете, сидела женщина. Платье серое, шерстяное, дорогое, но мягое, подол порван. Поверх —

шаль дырявая, бахрома обвисла. Волосы русые, с густой сединой, собраны в пучок на затылке — но выбились пряди, лезут на лицо. Женщина быстро писала в тетрадь. Карандаш в пальцах двигался, как иголка в штопке. Пальцы тонкие, в чернилах, синие до второй фаланги.

Подняла лицо. Изящное, бледное, скулы острые. Под глазами — круги чёрные, как у больной.

— Эй! — крикнула. Голос низкий, с хрипотцой, прокуренный. — Подбросьте!

— Куда? — крикнула Анфиса.

— На корабли посмотреть. Врангель уплывает. Может, и я сяду на хвост.

— Мы встречались. Тебя Мариной зовут, ты писательница. Детей бросаешь? — спросила Анжела.

Женщина помолчала. Посмотрела вниз — на тетрадь. Потом на север.

— Дети в Москве. Одни. Если не вернусь — расстреляют. Останусь — повешусь.

Анфиса вздохнула и протянула руку.

Марина полезла. Платье путалось в ногах, шаль сползла на одно плечо. Упала на колено, зашипела, потерла ушибленное.

— Тяжёлая ты, писательница, — сказала Анжела, помогая Марине залезть.

— Это не я. Это тетради. Их тринадцать штук.

Она села, отдышалась. Открыла сумку — кожаную, ста-

рую, с оторванной ручкой, перевязанную бечёвкой. Проверила — все ли на месте. Прижала к груди.

Посмотрела на Свету — на недавно появившиеся волосы, на шрамы на шее.

Вынула из сумки тетрадь в синей обложке — тонкую, истрёпанную по краям. Протянула.

— Возьми почитай. Детское там. Про облака. Про то, как не хочется умирать.

Света взяла. Спрятала за пазуху — к сердцу. Улыбнулась — сколотым зубом.

Анфиса посмотрела на сумку, потом на Марину.

— Тетради есть. А картошка есть?

Марина задумалась. Порылась в сумке. Вытащила сухарь, показала.

— Это считается?

Анфиса понюхала.

— Писательница. Без картошки, зато с сухарём.

— И со стихами, — сказала Марина и спрятала сухарь обратно.

— За такой сухарь сейчас полцарства дадут, — хмыкнула Анжела...

Когда ветер перестал толкать, облако зависло над равниной. Внизу стреляли.

Света перегнулась через край. У реки белые рубились с красными на шашках. Лошадь упала, забила ногами. Чело-

век побежал, потом лёг. Не встал.

— Не смотри, — сказала Анфиса.

— Сама не смотри.

Анфиса промолчала. Анжела смотрела туда, где её муж упал лицом в грязь.

Света считала.

— Три. Ещё один. Пятый.

— Зачем? — спросила Анжела.

— Чтобы знать, сколько нас осталось.

Анжела вздохнула:

— Твои красные, мои белые. Всё разрушают, всех убивают. Чем отличаются?

Анфиса усмехнулась:

— Цветами знамён. Все мужики — сволочи.

Марина посмотрела на небо:

— Война у них. А расплачиваемся мы.

Облако уходило выше. Стрельба стала тише. Потом пропала совсем. Только дым тянулся по земле, как хвост потрепанной собаки.

Света посмотрела на дым внизу:

— Когда мужики перестанут воевать, мы спустимся. Но они никогда не перестанут.

Облако двинулось дальше. Внизу мелькнула деревня — пять домов, овцы на пригорке.

Света перегнулась через край.

— А если кто-то вниз захочет?

— Пусть прыгает, — сказала Анфиса.

Света подумала. Сняла валенок. Кинула вниз.

Валенок упал в кусты. Овцы шарахнулись. Пастух выругался, но его не было слышно.

— Зачем? — спросила Анжела.

— Проверила, — сказала Света. — Он не разбился.

Внизу проплыла усадьба с приземистым домом.

— Там поэт живёт, который и красных, и белых в своём доме прячет, — сказала Марина, — По очереди. Не вместе.

Севастополь открылся не сразу. Сначала дым — чёрный, масляный. Потом корабли — броненосцы, крейсера, чёрные на серой воде. Морей людей на берегу — крики, плач, гудки. На рогожах спали прямо на причалах — женщины с детьми, старики, офицеры без погон.

На столбах — объявления оборваны, мокнут.

Облако опустилось низко — почти над головами. Края стали рваными и прозрачными. Оно проседало, теряя плотность.

Анжела спрыгнула. Не попрощалась. Побежала к пирсу — узелок в руках, клетчатая тряпица. Толкала людей локтями — острыми, тонкими. Шляпка слетела, упала, никто не поднял.

Катер отходил от пирса. Врангель стоял на корме крейсера «Дмитрий Донской» — в черкеске, высокой белой папахе,

прямой, как жердь. Смотрел в море.

— Барон! — крикнула Анжела, — Возьми меня! Не остав-
ляй в этом аду! Я тут пропаду.

Он не обернулся. Ветер раздувал полы черкески — белый
подклад. Катер уходил.

Анжела постояла у воды, сняла перчатку — бросила на
причал. Потом села на ящик — деревянный, из-под снаря-
дов. Узелок положила на колени. Уставилась в море.

Света спрыгнула следом. Пошла медленно.

Нашла отца у штабеля ящиков. Стоял без шинели, без
шапки. Мундир расстегнут, гимнастёрка грязная, в пятнах.
Лицо — как помятая икона. Под глазами синие круги. В ру-
ке — кожаный чемоданчик, медные уголки стёрты до жел-
тизны.

Подошла.

— Уезжаешь? Возьми меня.

Посмотрел на корабль. Потёр переносицу. Кашлянул в та-
туированный кулак. Посмотрел на неё. И сразу — в сторону,
будто обжёгся.

— Нет мест.

Она отвернулась, сняла пилотку — серую, с красной звез-
дой. Кинула в лужу. Пилотка зачерпнула воды, потемнела,
намокла, стала бесформенной, как подбитая птица.

Пошла. Не оглянулась.

— Света! — крикнул отец.

Не остановилась.

Анфиса спрыгнула с облака. Пошла к складу — низкому, каменному, с железной дверью. Муж сидел у стены. Гимнастёрка расстегнута, видна волосатая грудь. Сапоги новые — чужие, снятые с убитого. Чёрные кудри, глаза большие, с волокой, губы полные. Но лицо опухшее после вчерашней пьянки.

Рядом — медсестра. Молодая, лет двадцати. Рыжая, кудри до плеч. Лицо круглое, свежее, веснушки. Грудь тугая под белым халатом. Привалилась к нему, голову на плечо положила.

Анфиса подошла. Остановилась.

Муж поднял голову. Поперхнулся дымом, закашлялся.

Медсестра подняла лицо. Посмотрела на Анфису — безглаголиво.

— Это кто?

— А, бывшая, — сказал муж и выдохнул дым в сторону.

Анфиса ударила её по щеке. Медсестра отлетела в сторону, ударилась затылком о мешок. Взвизгнула.

Муж вскочил — сапоги скрипнули. Перехватил Анфису за руку — сильно, до боли.

— Ты чего? С ума сошла?

— Корову кто кормить будет? — спросила Анфиса. Не вырывалась. Смотрела ему в глаза. — Поле кто пахать? Изба без крыши стоит. Ты уехал — даже дверь не закрыл.

Медсестра поднялась, потирала щёку. Глаза мокрые, губы дрожащие.

— Я его из навоза вытаскивала, когда он напился в коровнике и уснул.

Анфиса вырвала руку. Развернулась.

— Анфиса! — крикнул он.

Не обернулась.

Анжела увидела. Лицо её стало белым. Этого красноармейца она узнала. Он у Чонгара командовал расстрелом. Её муж упал лицом в грязь.

Анжела ничего не сказала. Залезла на облако. Села в угол.

Анфиса вернулась к облаку. Полезла, села на край. Достала сигарку, закурила. Руки дрожали — она спрятала их под мышки.

Света пришла молча. Села рядом. На плече царапина — зацепилась за что-то.

Долго сидели. Ветер свистел.

Анжела поднялась с ящика. Пошла к облаку — медленно, шаркая. Узелок волочился за ней по земле. Полезла. Села в угол, отвернулась.

— Не взяли, — сказала в темноту.

— У меня тоже ничего хорошего, — сказала Анфиса. Голос глухой.

— У тебя зато живой муж. А мой в яме. Без сапог.

— Не мои твоего расстреляли. А моего сама удавить готова. Только это мне не вернёт корову и не починит крышу.

Анжела повернулась. Глаза красные, нос распух.

— Твой муж расстрелял моего. Я видела. Ты — красная сволочь.

— Я рыжая. У тебя белый-то герой был? Под пули лез?

— А твой с медсестрой удрал. Трус.

Анжела шагнула к ней. Ударила — в плечо. Анфиса — в ответ, в грудь. Сцепились — неловко, дышали тяжело. Анжела ногтями в лицо — рассекла бровь, потекла кровь. Анфиса локтем в плечо — хрустнуло. Облако качалось, как испуганный мост.

Марина встала. Развела их за руки — сильно, неожиданно.

— Бабы. У вас мужей нет. Ни у той, ни у другой. Одна вдова, другая — брошенка. Что вы делите?

Анжела опустила руки. Села. Заплакала — некрасиво, в голос, с присвистом. Закрыла лицо ладонями. Протянула Анфисе платок. Та не взяла.

Анфиса вытерла кровь с брови. Посмотрела на ладонь — красная.

— Поехали обратно, — сказала.

Облако развернулось. Потяжелело совсем — края обвисли, упругость ушла. Поднималось медленно, будто не хотело. Анжела и Анфиса сели на край облака спиной друг к другу.

Плечи касались — тёплые, вздрагивающие от дыхания.

Света проходила мимо лужи — пилотка отца всё ещё плавала, мокрая, чёрная. Постояла, поглядела. Подобрала с земли отлетевшую звезду от пилотки. Анфиса затащила девочку на облако.

К утру облако опустилось во двор. Легло на землю — не держало форму. Анфиса слезла последней.

Красноармеец лежал всё так же — рот открыт. Анфиса накрыла рогожей, придавила камнями, чтобы ветром не сдуло.

Марина стояла у крыльца. Сумка на плече, тетрадь под мышкой. Шаль накинула на голову, как монашка — волосы выбились, седые пряди на ветру.

— Мне пора. Я ещё напишу про вас. Если доживу.

— Куда? — спросила Света.

— В Феодосию. Попробую на корабль.

— Уплывёшь?

— Не знаю. Дети в Москве. Надо к ним.

Света достала из-за пазухи синюю тетрадь — ту, что Марина дала. Протянула обратно.

Марина посмотрела. Не взяла. Положила на крыльцо, придавила плоским камнем.

— Это вам. Читайте. Там ещё детское есть — про облака.

— Я ещё читать не умею. А Вам пригодится.

— Эту наизусть знаю. А ты учись.

Поцеловала Свету в макушку. Кивнула женщинам. Повернулась. Пошла на восток — размашисто, быстро.

Шаль волочилась по земле.

Облако потянулось за ней, как старая верная собака. Марина махнула рукой: «Плыви». Облако дрогнуло, будто кивнуло. И поплыло на запад.

— Я останусь? — спросила Анжела. — У меня Красная армия в Царском селе ничего не конфисковала. Просто сожгла наш дом.

Ночью Анфиса вышла во двор. Смотрела на дорогу, на которой он должен был появиться, если бы одумался.

Дорога была пуста. Только ветер гнал по ней сухой бурьян.

Анфиса постояла. Потом вернулась в избу, сняла с гвоздя мужнину рубаху, которую штопала, и порвала по шву. Села перешивать на Свету.

— Не воротится, — сказала она в темноту.

Анжела промолчала. За сараем что-то стукнуло. Анфиса выглянула — никого. Только ветер.

Через три недели пошёл снег — редкий и невесомый. Лег на крышу, на плетень, на пустой огород. Иней затянул стёкла — узоры, паутина, ледяные цветы. Под валенками снег

скрипел, ломался, как тонкое стекло.

В избе стало тихо. Света придвинула лавку к печке, грела спину. Анжела сидела у окна, смотрела на снег — как он падает, кружится, ложится на чёрную землю. Анфиса штопала рубаху — мужнину, забытую, синюю в полоску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.